

Вера Чаплина

Кинули

ФТМ

Вера Чаплина
Кинули (сборник)

«ФТМ»

Чаплина В.

Кинули (сборник) / В. Чаплина — «ФТМ»,

ISBN 978-5-457-27384-9

Из цикла рассказов «Мои питомцы».

ISBN 978-5-457-27384-9

© Чаплина В.

© ФТМ

Содержание

Кинули без матери	5
Необыкновенная квартирантка	8
Таска	10
Неудачное знакомство	11
На свободе	12
Не сошлись характерами	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Вера Чаплина

КИНУЛИ

Из цикла рассказов «Мои питомцы»

Кинули без матери

Кинули – это львёнок. Родился он в Зоопарке.

Назвала я его так потому, что его кинула мать. Почему львица не стала кормить детёнышей – сказать трудно. Они ползали по клетке, пищали, а она ходила мимо них и как будто не замечала. На другой день после рождения трое львят погибли, а четвёртого, самого маленького, успела забрать я.

Львёнок был совсем холодный и не двигался. Можно было подумать, что он мёртвый и только чуть заметное дыхание указывало на то, что он ещё жив. Надо было как можно скорее его согреть. Но где и как, я не знала. Потом вспомнила: в страусятнике стоял заряженный инкубатор, в котором выводили цыплят. Я скорее побежала туда, освободила в инкубаторе небольшое местечко, постелила тряпочку и положила львёнка.

В этот день я домой не пошла: осталась дежурить у малыша, а чтобы дома не беспокоились, позвонила и сказала: «Ждите меня завтра со львёнком». Мама в ответ только ахнула, а соседка, которая взяла трубку, как узнала, что я хочу привезти домой льва, такой подняла крик, что сбежалась вся квартира. Потом все наперебой кричали, что меня выселят, что заявят в милицию, и вообще было столько крику и угроз, что я не дослушала и повесила трубку.

На другой день я отправилась со своим новым питомцем домой.

Шёл дождь. Было холодно. Чтобы не простудить львёнка, я положила его за пазуху и села в трамвай. От движения ли трамвая или оттого, что меховая подкладка моего пальто напоминала львёнку мать, не знаю, только он неожиданно завозился. Напрасно я старалась незаметно поглаживать малыша, чтобы его успокоить, – ничего не помогало. Он больно царапался острыми коготками, старался выкарабкаться и вдруг пронзительно мяукнул. Мяукнул – если только можно так назвать этот протяжный, хриплый звук, похожий на скрип двери.

Все пассажиры мгновенно обернулись и с удивлением посмотрели на меня. Не желая, чтобы на меня обратил внимание кондуктор, я поспешила выйти на площадку.

Следом за мной на площадку вышел какой-то гражданин. Он помялся и нерешительно спросил, кто это так странно кричал у меня за пазухой. Я показала ему львёнка, рассказала, откуда его взяла, попросила никому не говорить о львёнке, чтобы меня не высадили из трамвая. Однако, как видно, гражданин слово своё не сдержал, и пока я доехала до площади Пушкина, у меня перебивал весь вагон. Все хотели посмотреть львёнка, а когда я выходила из вагона, высунулся кондуктор и закричал:

– Гражданка, что же вы мне-то льва не показали?

Пришлось показать и ему.

По дороге я зашла в аптеку, чтобы купить соску. Мне нужна была самая обыкновенная соска, из которой кормят грудных детей, только мягче. Долго искала я нужную. Одна была слишком жёсткая, другая – большая, третья маленькая. Продавщица мне меняла их несколько раз. Но я никак не могла подобрать годную. Наконец продавщица потеряла терпение и заявила мне, что если я сама не могу выбрать соску, пусть приходит мать. Пришлось объяснить, что мать – львица, сидит в клетке и прийти не может, что каждая потерянная

минута будет стоять львёнку жизни. В доказательство мне пришлось показать продавщице самого львёнка.

Я никогда не думала, что это произведёт такое впечатление. В одну минуту передо мной лежали все соски аптеки. Вероятно, у продавщицы это был первый случай, когда она продавала соску не для ребёнка, а для звериного детёныша. Уже общими усилиями мы выбрали подходящую соску, и я отправилась домой.

Дома нас ждала вся квартира, но в этот день я львёнка никому не показала. Нужно было приготовить ему местечко, согреть его, накормить. Ящика у меня не было. Пока мой сынишка Толя выбрасывал из чемодана вещи, я отпарывала мех от своей шубы. Он напминал шерсть львицы, и Кинули в нём лежала спокойно. Тельце новорождённого выделяет недостаточно тепла. Наверно, каждый видел, как подпихивает под себя детёнышей собака, согревает их своим теплом. У львёнка матери не было, и чтобы согреть его, я клала бутылки с кипятком под мех, и львёнок в этом гнёздышке лежал, как будто около матери.

Слух о том, что у меня живёт лев, быстро облетел весь наш дом. К нам приходили какие-то незнакомые люди поодиночке и компаниями, долго извинялись и просили показать им льва. В комнату они входили осторожно. Смотрели на львёнка с некоторым разочарованием – уж очень он был мало похож на взрослого льва – и всё-таки подолгу и внимательно его разглядывали, потом благодарили и так же осторожно выходили. На прощание советовали быть осторожней и беспокоились, как бы львёнок не съел меня, когда вырастет.

Все жильцы очень полюбили Кинули, и только моя домашняя работница Маша с первого дня невзлюбила львёнка. Ей приходилось целыми днями открывать и закрывать двери за посетителями, наводить в комнате чистоту, так как Кинули вносила очень много беспорядка. Наша небольшая комната превратилась не то в ясли, не то в лабораторию: вата, вазелин, борная, соски, клизмочки – словом, всё, что нужно, чтобы выкормить младенца, находилось тут, а львёнку нужно было многое.

Кормила я его через каждый час. Как только Кинули просыпалась, я ей давала пузырёк тёплого молока. Пузырёк был крошечный, на две столовые ложки, и кормить Кинули приходилось очень часто, так как в день она выпивала молока целый литр. Чтобы молоко подходило по составу к львиному, я брала сливки и разбавляла их водой. Львёнок перебирал лапками и громко чмокал, высасывая свою порцию.

Возиться со львёнком приходилось круглые сутки.

Когда Кинули спала, вся квартира погружалась в тишину. Все ходили на цыпочках и разговаривали шёпотом, а ребяташки оберегали покой львёнка не хуже взрослых. Не считалась с ним только Маша. Она нарочно гремела в кухне кастрюлями и ругалась: «Завели тут всякую дрянь». А «дрянь» спокойно лежала в чемодане и посасывала пустышку. Она так старательно сосала её даже во сне, что натёрла себе кружком нос. Пришлось соску отнять. Но Кинули так к ней привыкла, что совсем перестала спать, тыкалась всюду носиком, кричала.

Выручили ребяташки. Толя, Леня, Славик, Галя и Юрик устроили около Кинули настоящее дежурство. Они составили даже расписание. Кормили её и следили, чтобы Кинули не кричала. Ребята очень гордились доверенным им делом и хвастались во дворе, что ухаживают за львёнком.

Тем временем я занималась поисками собаки. Одной мне было очень трудно, а собака могла облегчить мою заботу о львёнке. После долгих и упорных поисков я остановилась на Пери. Пери – это шотландская овчарка, жила она в зоопарке. Молока у неё не было, но она была очень добрая и послушная – никогда не трогала животных.

К новому своему подкидышу Пери отнеслась недоверчиво. Он совсем не был похож на тех зверей, с которыми она встречалась. Когда я положила к ней львёнка, собака зарычала, старалась удрать. Пришлось держать её силой. Но постепенно Пери привыкла к своему необычному питомцу, стала его вылизывать, а это означало, что Кинули усыновлена. Теперь

можно было не бояться, что Пери её обидит или бросит. Наоборот, когда подходили чужие люди, она беспокойно ворчала, оберегая львёнка, боясь, как бы его не обидели. В собаке, у которой даже не было молока, вдруг проснулся материнский инстинкт.

Спала Кинули теперь в ящике от гардероба. Ночью я по-прежнему клала ей горячие бутылки; кормила уже реже. Львёнок хотя медленно, но рос. Я уже не так боялась за его жизнь: самое опасное время прошло. На работу я ходила урывками. Маша по-прежнему сердилась, и, уходя, я оставляла около львёнка дежурить практикантов.

На шестой день у Кинули открылись глаза. Сначала левый глазок, потом правый. Глазки были похожи на щёлки и слезились. Ушки у неё поднялись, а ярко-красные губы стали розового цвета. Меня Кинули узнавала сразу. Пила ли она молоко, спала или лежала около Пери, стоило мне только поднести к ней руку, как Кинули всё бросала и ползла ко мне.

Мой сынишка Толя следил за каждым движением львёнка: «Мама, мама, смотри: Мяученька мой палец лижет!», «Мама, она ползёт, повернула голову!». Толя даже обижался, что я назвала львёнка «Кинули». «Ведь мы его любим и совсем не кинули! – жаловался он. – Назовём его лучше «Мяученька» или «Синий глазок». А глазки у Кинули были действительно синие. Такие синие, что почти не было видно зрачка. Видела Кинули плохо. Идёт по комнате и на всё натывается. Уткнётся головой в ножку стула, а как обойти её – не знает. Постоит, постоит и повернёт обратно. Ходила Кинули вперевалочку, как утка. Ноги у неё заплетались, и падала она не на бок, а сразу на спину, совсем как заводная игрушка.

Необыкновенная квартирантка

Со всех концов Союза я получала каждый день письма. Писали дети, старики, женщины. Люди разных специальностей и званий. Присылали конверты с обратным адресом, свои фотографии, стихи, посвящённые Кинули, и все просили написать ответ.

И чего только не писали!

Беспокоились, чтобы Кинули нас не съела. Спрашивали, как ведёт она себя дома и сколько времени думаю её держать. Просили чаще сообщать о ней по радио и обязательно написать книгу. Находились и такие любители, которые спрашивали, где можно достать на воспитание ещё одного львёнка, а если нельзя, то какого я могу им посоветовать взять зверя.

Сначала я пыталась отвечать на эти письма, потом пришлось отказаться. Писем приходило так много, что наш почтовый ящик перестал их вмещать, а почтальон жаловался, что обслуживает только нас.

Не меньше интересовались львёнком и репортёры. Чуть ли не каждый день приходили они к нам. Снимали, как Кинули ест, пьёт, спит, как вылизывает её шерстку Пери.

Маша всё ещё ворчала на Кинули, но теперь уже меньше. Она даже стала мне помогать, а однажды вдруг заявила, чтобы я больше не звала практикантов. «Ребёнка доверила, а за всякую дрянь боишься. Не бойся, не хуже их управлюсь». И верно. Маша управлялась неплохо. Так же как когда-то Толю, она в строго назначенное время кормила Кинули. Её посуда блестела, а салфеточки, которыми вытирали львёнка, были всегда выстираны и выглажены. Когда Кинули пила молоко, она упиралась лапками в Машины руки и сильно царапалась. Глубокие царапины оставались на руках Маши, но Маша не сердилась. Она даже шила для неё пелёнки, перестала звать дрянью, а называла головастиком.

А голова у львёнка действительно была большая, ножки короткие, толстые, а туловище длинное. Крик у Кинули казался сначала одинаковым, потом я стала замечать разницу. По крику узнавала настроение львёнка: чего ему хочется, как он себя чувствует.

Однажды Кинули заболела. Я это заметила, когда она была ещё совсем весёлой. Домашние надо мной смеялись, говорили, что я мнительная, что мне это кажется. Но я оказалась права. На другой день Кинули лежала и ничего не ела. Проболела она десять дней. Всё это время я почти не спала по ночам, поминутно вскакивала, прислушивалась к её дыханию, согревала больную горячими бутылками.

Утром тихо стучались в комнату соседи, спрашивали о здоровье львёнка.

Когда Кинули поправилась и подросла, я стала пускать её по всей квартире. Она спокойно разгуливала по коридору, ванной, кухне, а жильцы очень осторожно ходили, чтобы не наступить на львёнка. Кинули хорошо знала жильцов. У неё были даже свои симпатии и антипатии. Одних она любила, ходила к ним в гости, ласкалась, а на других шипела. Особо на Марию Фёдоровну – возможно, потому, что у Марии Фёдоровны был громкий, резкий голос, и львёнку это не нравилось. Узнавала Кинули жильцов и по шагам. Одна соседка уехала, когда львёнок был совсем маленьким. Вернулась, когда ему исполнилось два месяца. Услышав её шаги, Кинули насторожилась, крадучись и беспокойно шевеля ушами, подошла к двери и долго, долго прислушивалась.

Меня Кинули узнавала по голосу, по шагам, по запаху. Как только я входила в комнату, она тут же бросалась ко мне и ласкалась.

Кинули была очень весёлой и любила играть. Бывало, придут к ней ребята, станут у дверей и шепчут в замочную скважину: «Кинули! Иди сюда, Кинули!» А Кинули словно понимает: вскочит – и к двери. Поднимется на задние лапки, передней за ручку потянет, откроет и выскочит в коридор. А в коридоре уже никого нет: попрятались ребята. Ходит Кинули, ищет их. Ищет в тёмной ванной, за дверями, в передней. Везде посмотрит. Найдёт

и сама прячется. Самое её любимое место было за шкафом. Место узкое, тесное, Кинули в нём едва умещалась. Знают ребята, где спрятался львёнок, да найти сразу нельзя обидится: уйдёт и больше играть не будет. Ходят ребята, посмеиваются, а сами делают вид, что найти не могут. Друг друга спрашивают: «Где Кинули? Куда делась Кинули?» И так до тех пор ищут, пока она сама не выскочит.

Самой интересной игрой считалась «охота на льва». Ребята выходили в коридор и делились на две партии. Одна становилась в одном конце, другая – в другом, а посередине – Кинули. Притаится и ждёт. Вон Юра бежит быстро-быстро мимо львёнка. Прыгнет Кинули, словно кошка на мышь. Поймает за ноги – значит, охотник убит, заденет – ранен, а ушёл – проиграла сама. Только проигрывала она редко, а как стала побольше, не проскочит никто: обязательно поймают.

Весело было Кинули с ребятами. Зато как скучала она, когда разъехались ребята летом по дачам! Уехали и Толя с Машей. С дороги Толя писал: «Дорогая мама, не знаю, как быть: ехать дальше или вернуться обратно, потому что скучно без Кинули». Скучала и Кинули. Она привыкла целые дни возиться, играть. Теперь же, когда я уходила на работу, она оставалась с Пери, а Пери была собака спокойная и играть не любила. Тогда я решила взять для Кинули в товарищи рысёнка.

Таска

Как и Кинули, Таска родилась в Зоопарке. Её мать, большая жёлтая рысь, первые два месяца заботливо ухаживала за своими малышами: вылизывала их, кормила, а если кто-нибудь из посетителей слишком близко подходил к решётке, бросалась. Росли рысята хорошо. Они уже начали есть мясо, вылезали из домика, играли. В такие минуты около клетки собиралось много народу. Всем хотелось посмотреть на игры зверюшек, подойти поближе, и, возможно, поэтому их стала таскать мать. Она взяла рысёнка и всё бегала с ним по клетке. Напрасно кричал и вырывался малыш – ничего не помогало. Не помогли и крики публики. Когда прибежал служитель, уже было поздно: рысёнок лежал мёртвый, а рысь таскала другого. С большим трудом отняли его у матери.

Передняя лапка его была сломана, а повреждённый глаз затянуло плёнкой. Из всех оставшихся рысят он был самый слабый – такой маленький, худой, скучный. Спрячется в домик и сидит там целый день.

Рысёнок был настолько плох, что я решила взять его домой. На другой же день спросила разрешения у директора, завернула малыша в халат и повезла. Приехала, поднимаюсь по лестнице, а сама волнуясь: как-то меня дома встретят? Отпираю дверь, вхожу в комнату, а муж смотрит, что это я такое принесла. Вынимаю я рысёнка, а он как закричит:

«Это что за гадость? Тебе что, льва мало? Или завтра ещё слона приведёшь?» Тут уж я не стерпела: «Во-первых, это не гадость, а рысь; во-вторых, была бы комната больше, я и слона бы привела». Ничего не ответил муж, только рукой махнул. Впрочем, он тут же вернулся и стал мне помогать устраивать рысёнка.

Мы посадили рысёнка в ящик, поставили туда блюдечко с молоком, положили мяса и закрыли досками. Жильцам о новом питомце ничего не сказали: к Кинули они привыкли, любили, а кто знает, как отнесутся к рыси.

Что же касается мужа, то он всё расспрашивал о рысях, потом заявил, что рысёнка возьмёт себе. Сам назовет его, сам будет ухаживать, приручать конечно, если я не обманываю и если это действительно рысь. Утром Шура вскочил чуть свет и помчался к своему детищу. Вернулся он очень разочарованный. Маленькая рысь оказалась совсем не такой ласковой, как он думал: за ночь она обгрызла весь ящик, разлила молоко, а мясо лежало нетронутым. Когда Шура просунул руку, чтобы его приласкать, рысёнок забился в угол и заворчал. Не лучше обстояло дело и с именем. Оказалось, что его придумать нелегко. Спорили долго и горячо. Муж хотел назвать рысёнка Муркой, Муськой, а я – Таскали, потому что её таскала мать. Помирились на Таске. «Северяночка Таска».

Неудачное знакомство

Ящик с незнакомыми звуками и запахами сильно заинтересовал Кинули. Она даже стала хуже есть. Ходила вокруг ящика, вынюхивала, а когда я поднимала доски, чтобы поставить рысёнку корм, Кинули старалась туда заглянуть. Кинули была много больше рысёнка, я боялась за него и откладывала их знакомство. Но мои опасения оказались напрасными.

Однажды я забыла закрыть ящик. Не успела отойти, как тут же появилась Кинули и просунула в открытую дверцу голову. Рысёнок испугался. Он спрятался в угол, заворчал, но Кинули даже не обратила внимания. Рысёнок фыркал, шипел, ворчал, а она всё продолжала лезть. Тогда доведённый до отчаяния, с круглыми от ужаса глазами рысёнок вдруг прыгнул и всеми лапами и зубами вцепился в морду львёнку. А Кинули? Она так растерялась, что даже не попробовала сопротивляться. С рёвом выскочила из комнаты и без оглядки помчалась по коридору. Опомнилась она уже в кухне, ходила из стороны в сторону, била хвостом и нервно мяукала. А рысёнок опять забился в свой угол и сидел, как будто ничего не случилось.

В этот же день к вечеру привезли из Зоопарка клетку и пересадили в неё рысёнка. Новое помещение Таске не понравилось, в ящике она могла уйти в тёмный угол, спрятаться от людей, здесь же была вся на виду. Таска грызла зубами решётку, старалась разорвать её и выйти. Всю ночь она громко и резко кричала, а утром ничего не знавшие соседи спрашивали, какой у меня ещё завёлся зверь.

Следующую ночь Таска кричала ещё сильнее. Даже на улице было слышно. Чтобы заглушить звуки, пришлось накрыть клетку ковром, потом ещё добавить одеяло, матрац, подушки. Словом, была использована вся моя постель, и всё-таки крики Таски были слышны и мешали спать. Тогда я перенесла клетку с рысёнком на балкон. На балконе было спокойнее, и никто туда не ходил. Но Таска всё равно боялась. Вздрагивала от каждого шороха, звука, старалась спрятаться, а если чистили клетку, кидалась на руки, царапалась, кусалась.

Чего только я не делала, чтобы приручить дикарку! Кормила из рук, проводила с ней всё свободное время, а когда уходила, нарочно включала радио, чтобы Таска привыкала к незнакомым звукам.

Скоро она стала меньше пугаться, не бросалась на протянутую к ней руку и даже позволяла себя трогать.

На свободе

Мы выпускаем Таску. Что-то будет? Никто не знал, что станет делать трёхмесячная дикарка, попавшая из клетки зоопарка в дом. Выйдет ли она осторожно и спрячется или начнёт метаться и искать выход? Я страшно волновалась. У меня даже руки дрожали, когда я открывала клетку. Открыв дверцу, я отошла в сторону и стала ждать. Таска продолжала сидеть не шелохнувшись, только взгляд её стал острее да вся как-то подобралась. Потом потянулась, встала и, крадучись, подошла к дверце. Долго не решалась Таска перешагнуть порог. Протягивала то одну лапу, то другую, прислушивалась, осматривалась. Даже смешно было смотреть со стороны. Тут бы выскочить, убежать, а она всё медлит! Я уже хотела её выгнать, когда вдруг Таска сделала первый шаг. Сделала – и отскочила. Можно было подумать, что мягкая лапка коснулась раскалённой печи, а не ковра – так испугалась Таска. Всё здесь было для неё ново, страшно. Она осторожно сделала несколько шагов по ковра и остановилась. Дальше начинался паркет – блестящий, скользкий, незнакомый. Несколько раз ступала и отскакивала обратно Таска. Она была необыкновенно осторожна, эта маленькая рысь. Можно было подумать, что она находится в дремучем лесу, а не в комнате и что её всюду поджидает опасность.

Освоилась она не сразу. Но свобода сделала своё дело, и вскоре Таску нельзя было узнать.

И куда она только не лазила! Казалось, не было места, недоступного ей. Она прыгала по шкафам, залезала на картины, а однажды ухитрилась вылезть из форточки на карниз соседнего окна. Одним словом, вела себя так, будто жила не в комнате, а в лесу. Скоро она перегнала по росту своих братьев в Зоопарке. Лапки у неё стали красивыми, прямыми, глазки прояснились, а шкурка блестела чистотой. Даже характер и тот изменился. Бывало, войду в комнату, а она фыркнет – и под шкаф.

Теперь же бежала навстречу, тёрлась о ноги и мурлыкала. Мурлыкала совсем как кошка, только громче.

Кормила я её манной кашей, яйцами, мясом. А как она любила мясо! Это было самое любимое её кушанье. Таска хорошо знала то время, когда его получала. Уже заранее беспокоилась, вертелась у двери, кричала, а как только я входила, бросалась к ногам, на лету ловила брошенные ей кусочки, ловко подхватывала лапкой, потом зубами и всегда уносила под шкаф.

Прежде же чем съесть мясо, она обязательно с ним играла: подбрасывала или гоняла перед собой передними лапками, и кусочек становился в её лапах как живой.

Таска подолгу оставалась одна и заметно скучала. Бегала за мной, как собачонка; а когда я уходила из комнаты, тонко и резко кричала. Теперь это был уже не прежний, потерявший мать, озлобленный зверёк, а маленькая рысь, и, как все малыши, она нуждалась в товарище. Тогда я решила попробовать помирить её с Кинули.

Не сошлись характерами

Кинули вошла в комнату так, словно рысёнка в ней никогда и не было. Прямой, уверенной походкой прошла на ковёр и легла. Помня первое неудавшееся знакомство, кончившееся дракой, я на всякий случай приготовила тряпку, но тряпка не понадобилась. Из-под шкафа выглядывала круглая плутоватая мордашка Таски, и глазёнки, совсем не злые, с любопытством следили за львёнком. Интересно они держались, эти похожие и в то же время разные звери. Лежит Кинули, только глазами поводит, а Таска то мимо пробежит, то лапкой ударит, а шелохнётся львёнок – она сразу под шкаф.

С тех пор я стала пускать их вместе каждый день. Кинули, видно, обиду ещё помнила. Держалась так, как будто не замечала рысёнка, а рысёнок хотел познакомиться ближе. Но познакомились они не скоро. Много прошло дней, прежде чем начали мои питомцы играть. Сначала осторожно, не дотрагиваясь друг до друга, на расстоянии. Выскочит Таска из-под шкафа, словно ураган налетит на львёнка, вот-вот, кажется, сшибет, но в последний момент останавливается и издаёт звук, напоминающий отрывистое «гм». Обозначал он ласковый окрик. Таким звуком мать переключается со своими детёнышами, а Таска предупреждала Кинули, что не хочет ей сделать больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.